

Перечитывая Чапека

ЧАПЕКА у нас любят — его издают часто, но книги его не залеживаются на прилавках. И в библиотеках они редко отдыхают на полках в ожидании читателей.

Сейчас вышло собрание его сочинений в пяти томах, — число подписчиков перевалило за сто тысяч.

В оформлении книг нарушена академическая строгость подписного издания, и читатели, разумеется, будут только благодарны издателям за такое вольное отступление от стандарта. И в ярких переплетках, и в своеобразных рисунках на обложке, и в заставках уловлен дух Чапека, художника острого и лаконичного (оформление Л. Подольского). Два первых тома украшены рисунками самого Чапека.

Я открыл первый том и с наслаждением начал перечитывать этого отличного писателя. Впрочем, перечитывать — это не совсем точно. Многие публикуются у нас впервые: небольшие очерки, зарисовки, фельетоны, юморески, то, что Чапек печатал в газетах, но что пережило газеты, ибо у большого художника даже в маленькой заметке всегда есть серьезная мысль.

По многообразию жанров Чапек напоминает Чехова, который говорил о себе, что он писал все, кроме доносов. Вообще, читая Чапека, невольно думаешь о Чехове. Мне кажется, что Чапек очень любил Чехова, очень внимательно его читал. У Чапека, как у Чехова, от смешного до печального один шаг — удивительное соединение серьезного и шуточного. И поразительное умение рассказывать задушевно и поэтично об обыкновенном.

В прошлом году я был в Праге, побывал на могиле Чапека. Быть в его доме, к сожалению, не удалось — вдова писателя, известная актриса Ольга Шейнпflugова, была серьезно больна... Дом Чапека окружен небольшим садом.

Во втором томе собрания сочинений впервые печатается у нас одна из ранних книг Чапека «Год садовода». Начинается она так: «Есть несколько способов разбивать сады: лучший из них — поручить это дело садовнику».

Это — обычная шутка Чапека. Писатель избрал другой способ, действительно лучший, — он разбивал сад сам. Он увлекался садоводством, вернее, не увлекался, а любил его серьезно и постоянно. Он изучал агротехнику, ботанику, даже геологию.

Но, будучи страстным садоводом, был вместе с тем не менее страстным путешественником, хотя, казалось бы, садоводство обязывает к домоводству. Этим он тоже похож на Чехова. Чехов своими руками превращал пустыри в цветущие сады, но ему мало было усадебного участка, ему нужен был весь мир.

Во втором томе напечатаны путевые очерки Чапека. Некоторые из них мы знали ранее, с большим интересом же знакомимся впервые. Эти очерки не дают, разумеется, подробного и обстоятельного знакомства с той или иной страной.

Это зарисовки. Они и создавались так — сначала Чапек делал рисунок, который заменял писателю дорожные заметки, а потом уже эти рисунки обрастали текстом.

Серия этих беглых зарисовок — великолепный образец наблюдательности и мастерства художника. Текст своей выразительностью и лаконичностью воздействует, как живопись, как рисунок.

Изобразительное искусство — хочется сказать о такой прозе.

Чапек смотрит на страну глазами туриста, которому хотя бы показать лучшее, да который, видимо, и сам стремится увидеть лучшее, хорошее, — так что уж психология туриста, в этом его отличие от исследователя.

В написанных с точки зрения туриста очерках обычно обходятся социальные вопросы. Но в задушевный тон доброго рассказчика-юмориста нередко врываются и другие ноты. «Письма из Англии» написаны с юмором, достойным этой классической страны юмора. Чапек ведет нас в путешествие по Англии с улыбкой. Но эта улыбка исчезает, когда мы попадаем с нашим добрым гидом в Ист-Энд, когда он начинает размышлять об угнетаемых Англией колониальных народах. В «Прогулке в Испании» он ведет читателя не только в красивые и экзотические места, но и на рабочие окраины. Особенно отчетливо слышатся социальные мотивы в очерках о скандинавских странах — «Путешествие на север»: это была последняя дальняя дорога безвременно умершего писателя.

Если бы Чапек не написал ничего, кроме путевых очерков, все равно по ним можно было бы увидеть его зрелость — и художника, и гражданина. В своем первом путешествии — в Италию — писатель увидел первых фашистов. Они попали в его орбиту ненадолго, но этого было достаточно, чтобы высмеять их. Он писал, что чернорубашечники своей формой похожи на трубочистов. Он заметил, что у фашистов «приветствие заменяет этанкий взмах руки, до того резкий, что прямо пугается».

Чапек скоро понял, что фашизм несет несчастье всему человечеству, и создал такие антифашистские произведения, как «Мать» и «Война с саламандрами».

Чапек удивительно любознательный, можно сказать, одержимый путешественник. «Человеку все надо видеть, ко всему прикоснуться... — пишет он в очерках об Испании. — До всего хотя бы дотронуться пальцем. Весь мир погладить ладонью. Сколько радости — видеть и трогать то, что тебе еще не знакомо! Потому что каждая особенность в вещах и людях обогащает жизнь».

Прочитайте «Картинки Чехии», «Прогулки по Праге», словацкие очерки, и вы почувствуете, какой горячей и нежной любовью любит этот писатель-путешественник родную страну. Сколько здесь задушевного и трогательного, написанного добрым пером!

Впрочем, Чапек не всегда бывает светлым живописцем родных городов и деревень. Вот он отправляется вместе с полицейским обыском в пражские трущобы — с гневом и горечью пишет он о нищете, безработице, проституции. Он развешивает перед нами Прагу нужды и отчаяния.

В четвертом и пятом томах напечатана большая проза писателя — романы и повести. И здесь читателя ожидает новое — некоторые из вещей у нас не печатались, а роман «Кракатит» выходил больше тридцати лет назад и для большинства читателей тоже будет новинкой. Меня как драматурга, естественно, больше всего заинтересовал третий том, где собраны пьесы Чапека (большинство их также публикуется у нас впервые). Думается, что они тоже с интересом будут встречены читателем.

Чапек говорил, что работа писателя напоминает скорее охоту, чем строительство храма по заранее заготовленному плану. Однако его пьесы привлекают не только богатством и оригинальностью характеров, не только лаконичным и острым диалогом, но и сложной композицией, увлекательно, искусно построенным сюжетом. Каждая пьеса — это сложная и изящная постройка.

Для драматургов пьесы Чапека — хорошая литературная школа.

Хотелось бы, чтобы их внимательно прочитали и наши сценические деятели — режиссеры и актеры. Пьесы Чапека живут и сегодня, им должно найтись место на нашей театральной афише.

Из пьес Чапека у нас сейчас идет лишь комедия «Средство Макропулоуса», идет, кстати сказать, с большим успехом. Заслуживает, по-моему, сценического воплощения и первая комедия Чапека «Разбойник» — в ней писатель разрабатывает тему, проходящую лейтмотивом во всех его произведениях, — тему несправедливости устройства мира. Стоит подумать и о пьесе «РУР» — произведении противоречивом, но в основе дающем уничтожающую критику капитализма, — недаром эту социальную комедию так высоко оценили в свое время Горький и Луначарский. Не потеряла актуальности и «Белая болезнь» с ее беспощадным обличением фашизма.

И, несомненно, большой зрительский интерес вызовет пьеса «Мать». Драматический рассказ о матери, потерявшей в войнах мужа и сыновей, прозвучал со сцены советских театров еще перед войной — пьеса шла в Ленинграде, Свердловске и ряде других городов.

Прошло больше двадцати лет после смерти Чапека. Но он продолжает жить как наш современник. Его книги волнуют и старое, и новое поколение читателей.